

ЛОГИКА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

К. М. ГУРЕВИЧ

(Москва)

Психологическая наука вступила в период возрастающей дифференциации, и тенденции ее развития могут найти объяснение только в широкой исторической перспективе. Вместе с тем психологу нелегко выявить в пестром разнообразии направлений и школ общее направление прогресса науки. Особая ценность книги М. Г. Ярошевского состоит в том, что она, доводя историю до наших дней, рассматривает с позиций марксистско-ленинской методологии развитие «категориального строя» психологии, логику разработки ее основных категорий. Автор выдвигает систему таких категорий. Их пять. Это образ, «реальный продукт, регулятор и координатор жизнедеятельности» (стр. 48—49); *действие*, без которого немаловажна активность, — его значение впервые было показано Сеченовым; *мотивация*, понятие формирующееся из преодоления чисто духовного и чисто биологического обоснования активности; *общение*, которое необходимо складывается в трудовой деятельности, и, наконец, категория *индивид* — *личность*, с неизбежным противоречием ее первого и второго членов.

Этот новый и продуктивный подход позволяет выделить основные компоненты научно-психологической мысли и установить, что же остается в качестве устойчивой системы в развитии научного знания, сохраняя «в снятом виде» достижения предшествующих периодов.

Можно спорить с автором о том, исчерпывается ли система психологических категорий перечисленными. Можно упрекнуть автора в том, что, ограничив себя рассмотрением категорий в связи со сменой школ и концепций, он не дал достаточно полной характеристики становления этих категорий. Но сам принцип категориального анализа, впервые выдвигаемый в этой книге, безусловно плодотворен: он открывает новые пути развития психологической теории.

Прежде чем переходить к обзору рецензируемой книги, следует сказать об одном ее важном достоинстве, которое не должно

пройти мимо внимания читателя. Автор, насколько позволяет ему материал и объем, прослеживает связь каждого этапа развития психологии с социально политической, идеологической и философской атмосферой соответствующего исторического периода. Наука никогда не творится в вакууме, и ничто не вскрывает предпосылки возникновения принципиальных идей так ясно, как анализ тех общественных условий, которые сделали их выдвижение необходимым.

Самостоятельной наукой (в современном смысле определения науки) психология стала в конце XIX в. В научном сознании предмета психологии решающую роль сыграли представители естествознания — биологи-натуралисты, физиологи, врачи и физики, хотя профессиональными психологами в тот период (как, впрочем, и позднее) признавались только философы, специализировавшиеся в анализе «души» и ее функций. Конечно, назвать их деятельность полностью бесплодной нельзя, но только материалистический конкретно-научный подход к психическому расчистил путь научной психологии, привел к ее самоутверждению.

У психологов философского толка основным инструментом познания было самонаблюдение, но возведенное в абсолют оно ограничивало их возможности. Как пишет автор, «реальная и важная способность субъекта к самонаблюдению стала источником философских спекуляций. В результате по одну сторону пропасти оказался индивид с продуктами собственного сознания и способностью их наблюдать, по другую — остальной мир» (стр. 57). В результате создавалось непреодолимое препятствие для внедрения в психологию принципа детерминизма, без которого уже немаловажно было, по взглядам того времени, научное познание.

Но и естественные науки не могли дать окончательного решения проблемы детерминизма в психологии. Она должна была найти свое решение, не укладывавшееся ни в рамки чистой биологии, ни в рамки философских представлений (имея в виду господствующую в университетах того времени официальную идеалистическую философию). Марксистское решение, содер-

¹ М. Г. Ярошевский. Психология в XX столетии. М., Политиздат, 1971.

жавшееся в трудах В. И. Ленина, было бесконечно далеко еще от психологических школ, совершенно не подготовленных к его восприятию. Именно этим обстоятельством обусловлена неполноценность, даже ущербность психологических течений начала XX в. и последующих, что и раскрывается в книге М. Г. Ярошевского. Главы и представители этих течений, сами по себе люди высокоталантливые и преданные своим идеям, в конце концов оказывались не в силах создать законченную систему психологических знаний, которая, хотя бы в общей своей проекции, могла бы наметить перспективы будущего здания науки.

Автор показывает как развивалась и пришла к своему концу функциональная психология, в которой была представлена, наряду с идеалистической, и стихийно-материалистическая ориентация, утверждавшая зависимость функций от объективных связей организма со средой. Структурная психология (Титченер) и функциональная психология представляются двумя враждебными течениями. Кажется, что функционализм ближе к реальной жизни, к научной истине, но перед ним вырастают трудности имманентного порядка. Функционалисты рассматривали психику как предмет интроспективного познания: «Логика разработки психических явлений вела к раскрытию роли действия во взаимоотношениях индивида с внешним миром. Преломилась же она в теории функции (акта) как исходной духовной единицы. Но тогда между деятельностью психической (функцией) и реальным телесным поведением выростала стена» (стр. 71). Функциональная психология оказалась в теоретическом тупике.

Историческая последовательность рассмотрения подводит читателя к кризису психологии и к ленинскому анализу кризиса естествознания, имеющему важнейшее значение и для психологии. Глава 4-я, посвященная высказываниям В. И. Ленина, должна быть признана, по нашему мнению, сильнейшей в книге. Шаг за шагом описывает автор идейное уничтожение В. И. Лениным махистской концепции психического. Кризис психологии выражался в невозможности правильного решения трех проблем: психофизиологической (психические процессы в их отношении к нервным), психогносеологической (образ и объективность) и психопрактической (психика и действие, психика и регуляция поведения). Касаясь первой из перечисленных проблем, М. Г. Ярошевский справедливо указывает, что В. И. Ленин понимал научно-психологическое знание как знание психофизиологическое (см. стр. 85 и далее). Именно эта последовательно материалистическая точка зрения вела психологию к преодолению компрометировавшего ее как науку параллелизма.

От правильного решения первой проблемы во многом зависит и решение второй — психогносеологической. При этом приобретает особое значение трактовка самого объективного. Как известно, махистская концепция

отождествляла субъективное с объективным в «комплексе ощущений», а кантовская «теория символов» отвергала познаваемость объективного. Вводя критерий практики, В. И. Ленин дает подлинное решение второй проблемы.

Теперь возможно и решение проблемы праксиса, которое состоит в признании неразрывности динамики образа предмета с самим предметным действием. Чтобы отражать объективный мир, нужно быть действенным в нем. «Природа психической деятельности выступает в ленинской теории отражения в единстве трех аспектов, — пишет М. Г. Ярошевский, — органического, предметно-образного и практически-действенного» (стр. 107).

По очень многим причинам психология XX столетия не могла оставаться в лаборатории, ей нужно было выходить в жизнь. Начало века совпадает с периодом вовлечения психологии в практику. Автор называет два главных направления прикладной психологии: исследование научения и психодиагностику, хотя сам принцип разделения на эти два направления не кажется бесспорным — психодиагностика во многих исследованиях также проводилась в целях научения (школьные тесты). Как правильно указывает автор, исторически сложилось так, что ассоциативная психология с присутствием ей механистическим детерминизмом, была более всего подготовлена к педагогическим задачам. Роль Эббингауза и его работ подчеркнута тут несомненно справедливо.

Наша отечественная наука в лице И. М. Сеченова, а затем И. П. Павлова и В. М. Бехтерева оказалась обладательницей наиболее прогрессивных теорий и методов учения.

Большой интерес вызывают страницы, посвященные сопоставлению работ русских и американских ученых. У нас эти исследования были продолжением идей революционных демократов. «Эта среда, — пишет М. Г. Ярошевский, — придавала развитию материалистических идей такую последовательность и непримиримость, как ни в какой другой стране» (стр. 126). Учению о поведении придавался социальный смысл, оно было включено в систему гуманистических взглядов, характерных для русской прогрессивной интеллигенции. В то же время в США проблема выработки новых навыков и форм поведения ставилась узкопрагматически, «под углом зрения извлечения прибыли» (стр. 127).

Менее разработан в книге вопрос о диагностических испытаниях. Позиции автора не вызывают никаких критических замечаний, можно лишь пожалеть, что не отмечена связь дифференциального подхода, складывающегося в современной науке, с учением И. П. Павлова.

Свежо и содержательно, под новым углом зрения изложен материал, освещающий историческое развитие бихевиоризма, гештальт-психологии и фрейдизма. Каждая из этих глав приближает нас к пониманию тех категорий, о которых автор писал в начале своего труда. Бихевиоризм рассматривается в связи с категорией действия, гештальт — в свя-

зи с категорией образа, фрейдизм — с категорией мотивации. Именно разобщенность тех основных проблем, о которых было упомянуто выше (психофизиология, психогенезология и психопраксис), ставила каждое из этих психологических направлений перед неодолимыми препятствиями. Сама же разобщенность являлась следствием нечеткой и эклектической позиции создателей этих направлений.

Уотсон, Вертгеймер, Кёлер и Коффка, Фрейд, Юнг и Адлер — это история. Однако это очень живая и актуальная история, растущая в наши дни. Все сказанное полностью относится и к главе о Курте Левине и его школе. В небольшом по объему очерке содержатся наиболее важные сведения и критический разбор эволюции взглядов этого виднейшего психолога-экспериментатора, показан неизбежный конфликт, к которому он пришел. Причина конфликта — неумение отличить собственно психологическое от социально-исторического, сведение сущности личности к психологическому, а отсюда невозможность понять закономерности развития личности и происхождения ее мотивов.

Опять-таки небольшая глава посвящена работам Ж. Пиаже. Нельзя не отдать должного автору: в его изложении выделены важные черты теоретических и экспериментальных позиций женеваского исследователя. М. Г. Ярошевский ставит вопрос (разумеется, риторический): «Возможно ли, исходя из онтогенеза мысли, проникнуть в тайны ее филогенеза (исторического становления)?». Ответ может быть только отрицательным, тем самым автор указывает на коренной порок концепции Ж. Пиаже, чем отнюдь не снимаются его конкретные достижения в изучении психического развития ребенка.

Рассмотрев эволюцию психологических школ, претендовавших на господство в науке и действительно привлекавших к себе умы, но оказавшихся в конце концов несостоятельными, автор освещает роль марксизма в развитии психологической мысли. Он убедительно показывает, что именно марксизм создал методологический фундамент, на котором успешно развивается, вбирая подлинные достижения истории, научная психология. Представляется продуктивным при анализе развития марксизма в психологии взять, как это делает М. Г. Ярошевский, то психологическое понятие, которое

выступает основным «препятствием» создания завершенной системы в домарксистских течениях — понятие сознания. Указав признаки психологического понятия сознания, автор пишет: «...для их детерминистического, а стало быть, и научного познания психологическая мысль до марксизма не была подготовлена. Они принимались за первичное, не из чего не выводимое» (стр. 225).

Считаю большой заслугой автора включение в число первых активных психологов-марксистов, наряду с П. П. Блонским, К. Н. Кошиловым, Л. С. Выготским, также и М. Я. Басова. Позициям этих авторов отведено достаточно места, равно как позиции С. Л. Рубинштейна и Д. Н. Узнадзе и они хорошо выявлены. Но там, где М. Г. Ярошевский переходит к психологам ныне здравствующим, мы часто сталкиваемся с рассмотрением «списком» (см. стр. 288 и 191).

Завершающая глава книги — «Психология в период научно-технической революции». Руководствуясь принятым им категориальным подходом, автор рассматривает те преобразования, которые происходят в содержании основных психологических понятий в современную эпоху. «Если бы потребовалось в двух словах, — пишет он, — определить сокровенную суть современных психологических исканий, то этими словами были бы: кибернетика и творчество» (стр. 302). Автор отвергает предположение о том, будто новые тенденции, связанные с проникновением в психологию понятий кибернетики, означают разрыв психологии с ее прошлым, что происходит крушение прежних устоев. В действительности речь идет о новом качественном этапе развития науки. Глава эта несет особенно много разнообразной информации. Невольно возникает мысль, что заготовленного на нее материала хватило бы на целую серию работ, в которых приобрел бы большую четкость и категориальный анализ.

Закрывая книгу М. Г. Ярошевского, нужно сказать, что появился еще один серьезный и оригинальный марксистский труд, посвященный наиболее сложному, но вместе с тем наименее теоретически осмысленному периоду недавнего прошлого и настоящего нашей науки. В нем нашло свое воплощение новое направление исследования историко-теоретических проблем психологии — в системе ее основных категорий.